

18+

Римма Харламова

Улисс три тысячи лет спустя

Современный миф

Римма Харламова

**Улисс три тысячи лет
спустя. Современный миф**

«Издательские решения»

Харламова Р.

Улисс три тысячи лет спустя. Современный миф / Р. Харламова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985881-8

Мифы вечны: древние герои возрождаются в новые времена... Современный Одиссей, Улисс (на латыни), парнишка с греческими корнями, родился и вырос в американском городке Итаке и пережил удивительные приключения на службе в морской пехоте и в Береговой охране США. Книга стала маленькой энциклопедией американской глубинки и реальных боевых операций, а также возрождённых древнегреческих мифов.

ISBN 978-5-44-985881-8

© Харламова Р.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие: Улисс (Одиссей) вчера, сегодня, завтра	6
Для тех, кто читал «Илиаду» и «Одиссею» Гомера – в подлиннике, в переводе, в пересказе... или видел в кино	6
Для тех, кто НЕ читал «Илиаду» и «Одиссею» Гомера и НЕ знает, о чём там речь	7
Глава 1. Читатель знакомится с Итакой, штат Нью-Йорк, а также с юными его жителями Улиссом и Пенелопой (Ули и Пенни), щенком по имени Феокрит и великими уроженцами и жителями Итаки	9
Глава 2. Ули и Пенни вместе с родственниками и друзьями проводят венчание в... тренировочном лагере – и не без приключений. Новобрачный принимает присягу и получает первое боевое назначение	13
Глава 3. Навестив близких на Итаке, Ули вступает в ряды морских пехотинцев и... вновь попадает в зону боевых действий, деликатно именуемых «миротворческой операцией». Ули и его товарищи попадают в плен, но им чудом удаётся спастись	18
Глава 4. Ули и командир взвода приходят в дом Стюарта МакЛейна с горестной вестью. Ули попадает в госпиталь. Пенни едет в Грецию на практику, путешествует по стране, посещает остров Итаку и видит дворец Одиссея – легендарного Улисса, давнего предка ее любимого мужа	23
Глава 5. Ули выздоровел и (уже капралом) вернулся в свой взвод под командование Мелвилла (уже первого лейтенанта). Морпехи получают приказ восстановить демократию в Гаити. Дело вроде нехитрое. Но отважных морпехов ждут необъяснимые приключения	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Улисс три тысячи лет спустя

Современный миф

Римма Харламова

*Посвящается моему необыкновенному племяннику,
чей выбор судьбы вдохновил меня на эту книгу*

© Римма Харламова, 2020

ISBN 978-5-4498-5881-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие: Улисс (Одиссей) вчера, сегодня, завтра

Для тех, кто читал «Илиаду» и «Одиссею» Гомера – в подлиннике, в переводе, в пересказе... или видел в кино

Мир верит мифам.

Мир верит, что гениальный аэд (поэт-сказитель и певец) Гомер является автором эпических поэм «Илиада» и «Одиссея». Но существовал ли Гомер вообще и действительно ли сочинил эти великие поэмы? Был ли воистину стар и слеп в те времена, когда ходил по Греции и пел свои поэмы? Что делал Гомер в молодости? Откуда мог знать, что происходило у стен Трои или в других местах, куда забрасывала героев добрая или недобрая воля богов? Был ли участником событий, о которых пел?..

Мифы вечны: то ли сюжеты повторяются в веках, то ли те же герои возрождаются в новые времена...

Как бы повёл себя современный Одиссей, он же Улисс (на латыни), новое воплощение древнего героя?

К примеру, наш герой – американский Улисс, Ули, парнишка с греческими корнями, – родился и вырос в маленьком американском городке с греческим названием Итака, возмужал в войнах вне пределов Америки и пережил невероятные приключения на службе в морской пехоте и в Береговой охране американских границ. Что влекло его в дальние странствия? Что за непонятное чувство зовет человека покинуть родные места? Что это за тяга такая, не объяснимая никакими разумными причинами?

Мы не знаем.

А он мог бы так ответить любопытствующим:

*Нет толку в том, чтобы, король без дела,
У очага, затёртого средь скал,
С женой-старухой, я бы раздавал
Законь строгие средь этих дикарей,
Что спят, едят, пасут, не ведая меня.*

*(Здесь и далее цитируется поэма «Улисс» лорда Альфреда Теннисона
в переводе Ивана Бунина)*

Для тех, кто НЕ читал «Илиаду» и «Одиссею» Гомера и НЕ знает, о чём там речь

Многие века греки повторяли поэмы Гомера устно (пели, декламировали), пока в VI веке до н. э. афинский тиран Писистрат не надумал запечатлеть на бумаге общепризнанные тексты (хоть и тиран, а какую полезную вещь сделал!).

Гомеровскую эпоху называют еще «Тёмные века» – период, начавшийся после дорийского вторжения и закончившийся с расцветом греческих полисов. Эпоха, носящая имя величайшего поэта Греции, известна... упадком культуры и утратой письменности. Хотя технический прогресс вполне себе существовал: древние греки именно тогда освоили выплавку и обработку железа. А вся система образования в Древней Греции была построена на изучении «Илиады» и «Одиссеи»: их заучивали частично или даже полностью (ужас! бедные детки!), по отдельным эпизодам устраивали массовые декламации и спектакли... Однако в Европе творения Гомера стали широко известны только в эпоху Возрождения. Да что там известность – сам Данте Алигьери помещает Гомера... в первый круг Ада, где Гомер, как добродетельный НЕхристианин, терпит муки сравнительно терпимые.

Зато герои поэм Гомера знамениты во всём читающем мире; в особенности, конечно, Одиссей.

Одиссей (на древнегреческом означает или , или , он же Улисс на латыни), царь одного из греческих островов-государств, именуемом Итака; прославился отвагой и хитроумием. *страдающий, гневающийся сердящий богов*

Десять лет длилась война греков с троянцами (вообще-то троянцы – это тоже греки, их тогда много было разных, греков-то). Древнее греческое имя Трои – Илион, отсюда – название эпической поэмы Гомера «Илиада». Когда троянский принц Парис украл жену, Прекрасную Елену, у спартанского царя Менелая, то именно Улисс убедил греков объединиться против Трои, а потом им было постыдно договор нарушать. Именно Улисс привлек в поход юного Ахилла, а без него победа была бы невозможна. Именно Улисс остановил греческое войско, когда греки едва не ринулись из-под Трои в обратный путь. Именно Улисс уговорил Ахилла после ссоры с Агамемноном вернуться в бой. Именно Улисс (а не могучий Аякс, идеальная машина для убийства) получил доспехи убитого Ахилла как лучший воин греческого стана. В минуту всеобщего отчаяния греков именно Улисс придумал сколотить огромного деревянного коня, которого троянцы сами к себе в крепость завезли, пыхтя и кряхтя, – а ночью из коня этого вылезли лучшие греческие воины и перерезали лучших троянских воинов...

Победоносная Троянская война и (как результат её) гибель Трои никому не принесли счастья – ни грекам, ни троянцам, ни Парису, ни Менелая, ни, тем более, Елене. А хитроумный герой Улисс десять лет провел в осаде Трои и битвах, и еще десять лет в опасных скитаниях, но всё-таки вернулся на родину к верной жене Пенелопе и прекрасному сыну Телемаку. Там его ждали новые приключения: битва с настырными женихами Пенелопы, все дела. И вновь Улисс победил.

Однако не совсем самолично он побеждал и не по своей вине попадал в передраги: всё боги, боги – их воля, их настроение, их интриги, их личные интересы. Посейдон, бог морей, ненавидел Улисса; Афина, богиня мудрости, любила и защищала его. Да и собственно Троянскую войну сами боги придумали: решили на этой высокой ноте завершить (герои – это сыновья и более дальние потомки богов от смертных женщин; они совершали подвиги и сражались в великих битвах) и затеять простой, человеческий, , затянувшийся на три с лишним тысячелетия. **век героев железный век**

Кто не погиб у стен Трои, должен был погибнуть на обратном пути.

Большинство уцелевших греческих вождей поплыли на родину так же, как плыли к Трое – единым флотом через Эгейское море. Но морской бог Посейдон наслал грозную бурю, корабли разметало в щепки, почти все люди утонули в волнах и разбились о скалы. Спасти суждено было только избранным. Но и тем пришлось нелегко. Пожалуй, только старому мудрому Нестору (в силу возраста он уже не особенно воевал и вообще вёл себя нейтрально) удалось спокойно достигнуть своего царства в Пилосе. Одолел бурю и верховный царь Агамемнон, но лишь затем, чтобы погибнуть ещё более страшной смертью: в родном Аргосе его зарезала собственная жена при помощи своего любовника. Спартанского царя Менелая с возвращенной ему Еленой занесло в далекий Египет, он многие годы добирался до родной Спарты. Но дольше всех и труднее был путь Улисса-Одиссея, «который, странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен, многих людей города посетил и обычаи видел, много и горя терпел на морях, о спасенье заботясь». Странствиям его Гомер посвятил эпическую поэму «Одиссея».

«Илиада» – поэма героическая, действие её происходит на поле брани и в военном стане. «Одиссея» – поэма сказочная и бытовая, действие её разворачивается и в волшебных краях великанов и чудовищ, и в маленьком царстве на острове Итака. В «Одиссее» показан только самый конец странствий Улисса – путешествие героя с дальнего западного края земли до родной Итаки. А обо всём, что Улисс претерпел за десять прошедших лет, он сам рассказывает на пиру в середине поэмы.

При этом все события «Одиссеи» уместились в 40 дней. Исследователи из Национальной академии наук США, опираясь на упомянутые в произведении астрономические указатели, смогли установить точную дату возвращения героя на Итаку: 16 апреля 1178 года ДО НАШЕЙ ЭРЫ. Больше трех тысяч лет, больше тридцати столетий тому назад...

Но герои остаются героями во все времена.

Глава 1. Читатель знакомится с Итакой, штат Нью-Йорк, а также с юными его жителями Улиссом и Пенелопой (Ули и Пенни), щенком по имени Феокрит и великими уроженцами и жителями Итаки

*Нет толку в том, чтобы, король без дела,
У очага, затёртого средь скал,
С женой-старухой, я бы раздавал
Законы строгие средь этих дикарей,
Что спят, едят, пасут, не ведая меня.*

По городу Итаке, по центральной пешеходной торговой улице Итака Коммонс (всего-то два квартала), на пересечении улицы Штата и улицы Тиога, в тени огромных столетних платанов неторопливо (постоянно останавливаясь) шествует группа пожилых туристов из разных штатов Америки. Лето, каникулы, жара; школьники, как обычно, подрабатывают, где удастся, а к вечеру бегут поплавать в тёплом озере Кайюга. Экскурсию ведет недавняя старшеклассница, ныне студентка-первокурсница Корнелльского университета Пенелопа. Пенни – крепкая спортивная девочка, рыжая, сероглазая; загорелая, но всё равно вся в веснушках; длинноногая, на голову выше своих немолодых подопечных. Её низкий звучный голос разносится далеко без всякого микрофона:

– Наш город назван в честь древнего греческого острова-государства Итаки. Мы находимся на южном побережье озера Кайюга, первого по длине и второго по площади среди Пальчиковых озёр в центре штата Нью-Йорк. Здесь был ледник, и он таял постепенно, а озёра образовались на краю этого ледника. В Итаке примерно тридцать тысяч жителей, из которых подавляющее большинство – студенты Корнелльского университета, одного из лучших в США, да и в мире тоже, и входящего, между прочим, в Лигу плюща. А еще у нас есть маленький, но очень даже сильный колледж Итака. Ближайший железнодорожный вокзал находится в Сиракузах. К нам ведут шоссе номер 13, 79, 89 и 96. Автобусные линии компаний Грейхаунд и Шортлайн соединяют Итаку с Нью-Йорком и Бостоном. Аэропортов поблизости целых два: международный в городе Сиракузы и местный Томпкинс на окраине Итаки.

Один из туристов восторженно перебивает Пенелопу:

– Видел я в городе Нью-Йорке и маленькую Италию, и маленькую Одессу, и даже совсем не маленький Чайнатаун, но чтобы в штате Нью-Йорк еще и маленькая Греция расположилась – не знал! И тут тебе Итака, и тут тебе Сиракузы...

Пенелопа легко подхватывает:

– А ещё у нас неподалеку есть и город Троя, и чуть подальше, в соседнем штате Висконсин, – город Спарта, так что не такая уж наша местная американская Греция маленькая! У нас и немножко Рима есть: город Рим, озеро Сенека и в парке Роберта Тремана – Римская тропа... А самых знаменитых уроженцев и жителей Итаки знает не только Америка, но и весь мир! Например, у нас работал замечательный американский писатель Алекс Хейли, лауреат Пулитцеровской премии.

В разговор встречается маленькая старушка в розовых шортах, малиновой футболке и красной кепочке:

– Я очень люблю читать Хейли, а больше всего роман «Аэропорт»!

Пенелопа улыбается:

– Это другой Хейли, который детективы писал. А наш Хейли написал роман-сагу «Корни», в котором проследил историю своей семьи вплоть до африканских предков.

Туристы разочарованно переглядываются. Однако Пенни не даёт себя сбить:

– У нас жил и работал всемирно известный русский писатель Владимир Набоков, он потом стал ещё и известным американским писателем, поэтом и переводчиком: как нормальный русский аристократ, он знал английский с детства как родной, ну, и французский, конечно, тоже, а на английском вообще научился читать раньше, чем на русском. И ещё он был учёным, изучал разных бабочек, описал в своих романах больше 570 их видов. Его четыре года подряд номинировали на Нобелевскую премию по литературе, но так и не дали.

– Почему?!

– Ну-у... решили, что его роман «Лолита» очень уж неприличный.

– А про что роман?

– Ну-у... там мужик немолодой влюбляется в девочку двенадцатилетнюю... и у них совершенно взрослая любовь...

Самый пожилой турист слегка передразнивает Пенни, с жадной тоской глядя на нее снизу вверх:

– Ну-у... теперь такие девочки лихие... особенно наши, американские...

Пенни строго замечает:

– Всё равно, для шведов такая любовь неприличная. А зато наш знаменитый учёный Петер Дебай получил Нобелевскую премию по химии. Правда, он родом из Голландии. А ещё у нас жил и работал самый вообще замечательный американский учёный – Ричард Фейнман, лауреат Нобелевской премии по физике, который атомную бомбу делал. Он тогда был молодой, весёлый... Его родители – евреи из Польши и Белоруссии...

– Ну вот, ещё и Белоруссия какая-то непонятная...

– И ничего не непонятная, это была часть Российской империи. И Польши. И Литвы. Только в разное время.

– Да уж, доходчиво объяснила...

– Но ведь это правда! Наша Итака стала родиной – или новой родиной – потрясающих талантов! Здесь родился Юджин Шулер – пример настоящего ковбойского духа: учёный, писатель, путешественник и дипломат, первый американский дипломат в Средней Азии, – той Азии, что внутри Российской империи. Служил в Турции, Румынии, Сербии и Греции. А когда в сентябре 1863 года русская военная эскадра стояла в гавани Нью-Йорка – продемонстрировала Британии, что Россия поддерживает президента Линкольна и Северные Штаты, – то Шулер подружился с офицерами русского флага «Александр Невский» и выучил русский язык, да так хорошо, что перевёл на английский романы Тургенева и Толстого! А потом он был консулом в Москве, долго там мёрз, зато ему всё вокруг было интересно...

– А что у вас ещё есть, кроме усопших великих?

– Одни усопли, другие народятся, такой уж у нас город! Да я сама никогда в жизни не смогла бы отсюда надолго уехать, ни в какой распрекрасный Париж или, не знаю, что там ещё считают прекрасным. Ничего нет прекраснее Итаки, вот! И, между прочим, у нас можно слушать разную музыку на бесплатных концертах хоть весь год. У нас пешеходная зона в центре города, вы сейчас на ней стоите и видите вокруг рестораны, бары, художественные галереи, магазины и отели.

– Ну да, всего по два – и того, и сего, и третьего, и четвертого... Однако смотрятся миленько, особенно галерейки эти с глиняными раскрасками...

– У нас изумительные водопады, хоть они и поменьше какой-нибудь там Ниагары, но зато их много, и они так прекрасны! И еще у нас на берегах озер Кайюга и Сенека свои винодельни не хуже калифорнийских, я вас всех отведу после обеда продегустировать наши сухие вина – рислинг, каберне, мерло. Не хуже даже французских, вот!

Вдруг в разговор врывается юношеский басок:

– А нам всё равно, что виски, что вино: нам по возрасту не нальют! А вам старость в радость в любом баре!

Пенелопа, забыв о туристах, радостно бросается в объятия неожиданно появившегося Улисса – высоченного молодого парнишки могучего атлетического сложения; за ним бежит большой лохматый толстопятый весёлый щенок, золотистый ретривер с величественным именем Феокрит:

– Ули, мой Ули, ну что ты решил?! Тебя же везде приняли, куда ты пойдёшь – в университет, в колледж, куда?

Улыбка сходит с лица Ули, он осторожно отодвигается от Пенни:

– Мы потом поговорим...

Туристы взволнованно перебивают друг друга:

– Нет, сейчас, сейчас! Расскажи, парень, вы женитесь, что ли? Вот как раз и выпьем за вас на дегустации!

Ули опускает голову:

– Я в армию ухожу. А в университет когда-нибудь потом вернусь. Тогда армия мне учебу оплатит!

Пенни шепчет еле слышно: «Дурак ты, дурак, война же наверняка скоро, мы же наверняка поучаствуем, какое тут потом...» – и вдруг изо всей силы с размаху бьет Ули под дых тяжёлым кулачком. Сражённый мощным хуком, Ули хватается за живот, сгибается и падает. Щенок Феокрит пытается грозно зарычать (но срывается на детский визг), подпрыгивает, чтобы укунить обидчицу (но слишком она высокая для такого малыша, да и зубки у него не очень-то острые), и в результате злобно бодает голую ногу Пенни лобастой мохнатой головой (чего Пенни не замечает в пылу обиды). Туристы заинтересованно переглядываются и восхищённо посматривают на Пенни. Пенни отряхивает руку, гордо выпрямляется и... Экскурсия продолжается.

Вечером на берегу тихого озера Кайюга Ули и Пенни лежат на расстеленном на траве клетчатом пледе, крепко обнявшись. Пенни всхлипывает:

– Ты мог бы стать адвокатом...

– Сидеть весь день над документами?!

– Ну-у, тогда программистом!

– Сидеть весь день перед монитором?!!

– Ну-у, тогда инженером – дома, туннели или мосты строить!

– Сидеть весь день над чертежами?!!!

– Да уж, нашел отговорку, в армии, небось, не посидишь.

Ули утешает девочку:

– Ну не хочу я учиться пока что! Я хочу действовать, двигаться, сражаться! Я же всегда, во всех соревнованиях побеждал, я же здоровый как этот... ну как его... как Тарзан! И умный я тоже, и хитрый, и ловкий, мы же с тобой с первого класса рядом сидели, я ради тебя этих проклятых отличных оценок А плюс всегда добивался! Я и оттуда вернусь победителем, мне что в джунглях, что в пустыне любой марш-бросок с полной выкладкой нипочём! Я к тебе вернусь всегда! Ты ведь помнишь мою последнюю балладу, ты её понимаешь:

– Ули, мой Ули, ты умный, ты хитрый, ты ловкий, но ты такой глупый, ты такой ужасно глупый... Я так тебя люблю, глупого такого... Я так с тобой счастлива...

– Пенни, солнышко моё ясное, какая ты сладкая... Пеннипеннипенни...

...Ули и Пенни заснули поздней ночью при ослепительном свете огромной медной луны под яростный стрёкот цикад, но они не слышали пение цикад, лёгкий плеск рыбёшек в озёрных водах, шорох мелкой лесной гадюки, проползающей совсем рядом с их головами... а проснулись поздним утром, когда набравшее силу солнце припекло им затылки и даже роса на траве уже высохла. Одевались споронок торопливо, не сразу попадая ногами в штанины. Ули под-

хватил клетчатый плед, Пенни – объёмную сумку, и они помчались по домам, навстречу родительским пощёлкам. И еще не знала Пенни, но всем сердцем предчувствовала, что во тьме и тепле ее юного лона начинает зреть желанное семя Улисса – их будущий сын Телемак.

*Не стану отдыха искать от странствий; допью
Жизнь до конца.*

Глава 2. Ули и Пенни вместе с родственниками и друзьями проводят венчание в... тренировочном лагере – и не без приключений. Новобрачный принимает присягу и получает первое боевое назначение

*Всё, что со мною было, – было полным.
Страдал ли – сильно, радовался – сильно, один
И с теми, кто меня любил; на берегу
И в море, когда сквозь волны пенные Аид
В нас ливнем метил.*

Полтора месяца Ули тренируется и готовится к присяге в лагере для новобранцев, а Пенни кажется – уже полтора года без него прошло... Но сегодня, с самого утра Пенни со своими родителями, родителями Ули и другими их родственниками, а также многочисленными соседями и друзьями – и, конечно, подросшим лохматым золотистым псом, торжественное имя которого (Феокрит) уже сократили до простого Фео, – бродят по лагерю (по счастью, расположенному совсем близко от Итаки, в Кейп-Мэй, в соседнем штате Нью-Джерси) и бурно обсуждают всё увиденное и услышанное и всех увиденных и услышанных. Возглавляет эту шумную разнородную толпу штатских молодой священник, недавно присланный в Итаку (тоже в некотором роде новобранец), – отец Джон. Прихожане уважают его за образованность (бакалавр богословия, закончил семинарию в Европе) и недолгую, но опасную военную службу в качестве армейского капеллана в Панаме во времена хунты генерала Мануэля Норьеги. А вот и местный армейский капеллан, отец Дэниэл, подошел, поприветствовал коллегу. Сегодня у священников особо важное задание: они срочно венчают Ули и Пенни. Присяга – потом! Пенни ещё не чувствует себя по-настоящему взрослой невестой, тем более, беременной; она не ходит чинно, как положено в ее положении, а, как и всю жизнь, бегаёт и прыгает по лагерю, вспотев и покрасневшись; от неё не отстаёт веселый Фео. Но здесь все солдаты носятся как оглашенные, никто не ходит шагом; только когда вдруг из репродукторов доносится мелодия американского гимна, все застывают на месте, приложив раскрытую ладонь к сердцу. А потом опять куда-то бегут!

Территория лагеря огромна, даже не везде видны его границы. Казармы, казармы, казармы; идеально отмытый плац; самые разные тренировочные площадки; за оградой начинаются: на юге – весело шуршащая лиственная роща, на севере – сумрачный тёмный ельник, на западе – дикая пустошь и болота, а вот на востоке – ворота в лагерь, от которых по прямой до самого горизонта среди полей мчится асфальтовая скоростная трасса.

Больше всего гостям понравились тренировочные площадки. Тренер-сержант не сводит глаз с Пенни, хотя говорит для всех (монотонно и не задумываясь) и привычно (тоже не задумываясь) матерится через слово: вот на эту тра-та-та стену мои ребята карабкаются на руках (стена высотой в трёхэтажный дом); а вот вдоль по этой тра-та-та канаве, полной жидкой вонючей грязи, они ползут по-пластунски, спасаясь от сплошного огня; а вот эту тра-та-та полосу препятствий преодолевают за три минуты одиннадцать секунд; а вот такие тра-та-та мишени запросто разносят в клочья, стреляя от бедра из двух пистолетов сразу; а вот... и чем ужасней тра-та-та погода, тем больше я радуюсь, потому что учу моих ребят выжить где угодно, в любом тра-та-та углу мира!...

Антиклея, мама Ули, не выдерживает и прерывает страстный показ тренер-сержанта вопросом:

– Сэр, объясните, как именно вы воспитываете настоящих морпехов из этих мальчишек?

– Сейчас покажу. Ну, ты (тренер-сержант повернулся к ближайшему парнишке), **ЧЕГО ЛЫБИШЬСЯ?!**

– Сэр (изумилась Антикля), он же совершенно не улыбается! (Парнишка вытянулся по стойке «смирно», не дышал и верноподданно ел глазами сержанта)

– Молчите, мэм, вас не спрашивают. Ну, ты, **ЧЕГО ЛЫБИШЬСЯ?!** Видите, мэм, он со второго раза все понял. И **НЕ ЛЫБИТСЯ!** Вот так и воспитываем!

Ули прибежал в тот самый момент, когда тренер-сержант наглядно показывал Пенни, как делать двойной захват и переброс через плечо. Он прервал спонтанную тренировку командой: «Всем на венчание, всем бегом!» и задержался на полсекунды, только чтобы яростно прошипеть тренер-сержанту на ухо: «Ещё раз увижу – убью, пусть потом под трибунал пойду...» Тренер-сержант только усмехнулся: ну, тра-та-та пацан, как таких убережь...

В маленькой церковке идет венчание. Ули в парадной военной форме (день присяги!), Пенни в белой юбочке и белой футболке, все гости очень нарядные, а священники отец Джон и отец Дэниэл – очень торжественные.

Отец Джон спрашивает: «Улисс Леванидис и Пенелопа Адаму, ваше желание соединиться друг с другом узами супружества добровольно и искренне?»

– Ну да!

Отец Джон: «Будете ли вы хранить верность друг другу в здравии и болезни, в богатстве и бедности, в счастье и в несчастье, пока смерть не разлучит вас?»

– Само собой!

Отец Джон: «Будете ли вы с любовью принимать детей, которых пошлёт вам Бог, и воспитывать их в христианской вере?»

– ДА-А-А!

Ули и Пенни по очереди повторяют за священником слова супружеской клятвы:

– Я, Улисс, беру тебя, Пенелопа, в жены и обещаю хранить верность, любить и уважать тебя во все дни жизни моей.

– Я, Пенелопа, беру тебя, Улисс, в мужа и обещаю хранить верность, любить и уважать тебя во все дни жизни моей.

Отец Джон заканчивает короткую церемонию: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает. И заключённый вами супружеский союз я подтверждаю и благословляю во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь».

Словно по команде, родственники и друзья подносят к глазам бумажные салфетки, в огромном количестве стоящие в картонных коробочках на церковных скамьях. Тихо. Торжественно...

Вдруг верный Фео настороженно поднимает одно ухо и, негромко рыча, поворачивается к восточному приделу...

И в это мгновение в открытое восточное окно церкви влетает граната.

В наступившей мёртвой тишине она крутится на светлом паркетном полу и ужасающе громко шипит и потрескивает, словно рассерженная гремучая змея.

Ули с рёвом «Ложись!» схватил гранату и мощным броском отправил ее в противоположное окно, выходящее на пустошь и болота. Взрыв раздался ещё в воздухе. Ули же выпрыгнул в восточное окно и помчался к невысокому смуглому курсанту, лежащему лицом вниз на траве, закрыв глаза и заткнув уши, – значит, заранее знал о будущем взрыве?! Ули рывком поднял его и затряс – но не слишком свирепо, не изо всех сил, как-то неуверенно; голова парнишки безвольно моталась из стороны в сторону, но он всё-таки смог выговорить: «Тебе повезло... сегодня... но настанет день...» Ули замер: «Асад, ты о чем? Ты зачем?..» – «Будьте вы прокляты... американцы... кто вас звал на нашу землю... вы всегда, всегда лезете...» –

«Асад, ты же здесь родился?! Ты же американец?!» – «Я... всегда... буду убивать вас...» Фео прыгает вокруг и громко лает, хотя видит и чувствует – хозяину ничто и никто уже не грозит...

Подоспевшие двое военных полицейских с трудом оторвали Асада от Ули; щёлкнули замки наручников; машина с зарешёченными окнами отъехала от церкви и скрылась за воротами. Ули не заметил, когда Пенни подошла и крепко взяла его за руку. Юная жена была непривычно молчалива. Они подошли к плацу, где вот-вот должна была начаться церемония присяги, и только перед тем, как отпустить руку Ули, Пенни негромко сказала ему: «На войне убивай сразу, нечего с ними разговоры разговаривать». – «Пенни, я с ним полтора месяца рядом в казарме жил, помогал на полосе препятствий, мы вместе учили текст присяги. Он был мой товарищ, такой же солдат. Я даже не знаю, откуда его родители родом. Вот мои предки из Греции, ну и что?» – «Америка с Грецией не воюет, вот что... Я пошла к гостям, а ты мои слова помни. Нас теперь трое, ты не имеешь права погибнуть».

Гости из Итаки облегченно плакали от умиления, вспоминая трогательные обеты Ули и Пенни («пока смерть не разлучит нас...»); плакали во всё время присяги, любуясь славными серьёзными мальчишескими лицами; да и весь парад проплакали, вытягивая шеи – а нашта где? Где Ули-то? Да как где, он же у нас всегда правофланговый, выше всех, на него все остальные равняются!

...До начала настоящей войны, когда Америка присоединилась к войскам международной коалиции (да там войск из других стран почти и не было), оставалось всего несколько месяцев, и эта война оказалась совсем непохожей на тренировки в лагере. Вот только по жидкой вонючей грязи Ули пришлось поползть вдоль и поперек, хотя школьная география утверждала, что в Ираке и Кувейте сплошные пустыни. Что правда, особенно в Кувейте. На многие мили вокруг простирается песчаная пустыня со множеством мелких грызунов (песчанок, тушканчиков, мышей) и мелких пресмыкающихся (разнообразных змей и ящериц), а также мелкой ползающей ядовитой нечисти (пауков, скорпионов, клещей, фаланг и тарантулов). Воды нет, зато нефти – хоть залейся. Но зима там хоть и не холодная, зато идут стеной ливни, а ветер дует так, что струи дождя почти горизонтальны.

Ули недолго расстраивался, что высокий рост и мощное телосложение не дали ему возможности служить в Военно-Воздушных силах или в танковых частях, да и в отсеках подводной лодки Ули никак не уместился, а потому пошёл в наземные войска, то есть попросту в пехоту. Он своими глазами увидел, что именно пехота начинает и заканчивает любые военные действия, входя в населенный пункт после предварительной бомбёжки (артподготовки) и вслед за танками. А в промежутках между населенными пунктами оказалась вся солдатская жизнь на войне: холодно, мокро, горячая еда в лучшем случае (далеко не всегда) один раз в день, постоянное недосыпание, несчётные марш-броски, бесконечные ожидания команды атаковать, редкие атаки и неизбежная тяжесть оружия. Дороги нельзя было назвать дорогами в привычном американском понимании, просто чуть плотнее в этих местах казалась земля (или песок) и проложенные недавно колеи на ней. Боевые машины вязли в грязи, солдаты вытаскивали их, толкали, наваливаясь и поддерживая, а под буксовавшие колеса нечего было подложить – вокруг ни деревьев, ни кустов, ни хвороста, ни веток, только гибкая верблюжья колючка и лёгкая горькая полынь. Ули думал, что будет новые баллады сочинять, но мысли (если вообще в голове его остались хоть какие-то мысли) фокусировались на ближайших и жизненно необходимых задачах. В самые тяжёлые моменты он часто с запоздалой благодарностью вспоминал крикливого злобного матерщинника – тренер-сержанта: многое Ули делал (после суровой подготовки в тренировочном лагере) автоматически, а потому наилучшим образом. Природное здоровье, сила и спортивные навыки тоже помогали. Но не было надобности обычному пехотинцу в особых умениях, уме или хитрости.

До поры до времени – не было. Но пора настала. И очень скоро.

Отделение Ули, вымотанное до предела долгим маршем, остановилось. Дожди вдруг прекратились, внезапно наступившая сушь взметала мелкую серую пыль под ногами. К счастью, сезон для пыльных бурь еще не наступил. Ули вспомнил, как в таких случаях говаривал отец Джон, молодой священник из родной Итаки: спасибо Всевышнему за его малые милости. Перекусив и передохнув, ребята займутся подготовкой к секретной операции – встрече вертолётá особого назначения: нужно будет выгрузить тяжёлые контейнеры с чем-то важным и опасным внутри; к тому моменту подойдёт грузовик, в его кузов придётся перегрузить контейнеры, вот и вся операция, ну просто развлечение. Совершенно не было нужды целое отделение, девяти-рых ребят, посылать на малые такелажные работы, да еще и во главе с лейтенантом. Но не хотелось рассредоточивать силы: в воздухе витало приближение неизвестной опасности.

Рёв двигателей приближающегося вертолётá ребята слышали издалека. Вертолёт плавно опустился, взметая пыльные вихри; двое пилотов спрыгнули на землю... Грузовик еще не появился. Ули, как всегда, был первым, когда нужно тяжести поднимать. Ребята споро освободили вертолёт, пока лётчики разговаривали с лейтенантом, выстроили груз вдоль дороги и побежали рассматривать кабину пилотов – интересно, столько приборов, а дверей нет, страшно – вдруг выпадешь из вертолётá в воздухе?! Увлечённо спорили: вертолётá на войне нужнее или самолётá? Смешно; ну как определить, кто сильнее – тигр или лев? Они ведь не встречаются, друг с другом не сражаются... Только Ули, один из всех, несмотря на любопытство, недолго пробыл в кабине: что-то беспокоило его, вело куда-то. Спрыгнув, он огляделся. Ничего. Никого. Только несколько крупных ящериц внезапно бросились врассыпную из-за небольшого песчаного холмика... совсем небольшого, человеку за ним не укрыться... но ящерицы среди дня просто так не бегают... а если там окопчик вырыт, то прикрытие за холмиком вполне надежное... Не успев подумать, Ули пустил автоматную очередь по холмику; земля взорвалась сотней серых песчаных фонтанчиков... один был ярко-красным! Отбросив автомат, звериным прыжком Ули бросился вперёд, могучие руки его сомкнулись на тонкой смуглой шее... Что за дьявольщина, это же Асад! Откуда? Бежал из тюрьмы? Зачем он здесь, кого поджидал? Но спрашивать было уже некого: сизая смертная пленка затянула глаза Асада, тело обмякло и вытянулось. И тут ожила рация! Значит, Асад успел подать сигнал кому-то о прибытии вертолётá, кто-то может сейчас нажать на кнопку дистанционного взрывного устройства, поняв, что Асад не отвечает... «Прочь!» – взревел Ули, подбегая к вертолётá. Бойцы отделения и пилоты среагировали мгновенно, а лейтенант на долю секунды замешкался, тогда Ули словно вырвал его из кабины и вышвырнул на землю... Успел оттащить лейтенанта подальше, до того, как оглушительный взрыв приподнял вертолёт, расколол в воздухе на тысячи рваных обломков и вновь обрушил на землю; через несколько бесценных минут бешено гудящее пламя охватило корпус машины. Ребята лежали на песке, изо всех сил пытаясь слиться с земным шаром; внезапно оглохнув, они сжимали головы руками, но несколько бойцов и один из пилотов не шевелились: контузило взрывом. Окровавленный и обожжённый Ули, шатаясь, подошел к лежавшим, проверил пульс... Живы. Сейчас приедет грузовик.

Грузовик забрал контейнеры и раненого лейтенанта. Остальные, покуривая, ждали, когда приедут за ними. Ули никогда не курил и начинать не собирался; ещё чего, гадостью всякой травить себя; ещё все главные спортивные победы впереди; ещё вся война впереди! Он не догадывался, что больше в его жизни не будет ни спорта, ни побед. И – да, эта война скоро закончится, но будут новые войны, много их будет.

«Солдатскую медаль» за спасение лейтенанта ему вручили через месяц. В глубине души Ули чувствовал себя разочарованным: награда не за боевые заслуги...

Эта первая в жизни Ули война и вправду была далеко от Соединенных Штатов и родной Итаки, но ведь война никогда не бывает достаточно далеко.

В августе иракские войска вторглись в Кувейт и захватили его. Ирак гордо объявил об аннексии Кувейта. В январе грянули бомбардировки

Ирака. Против захватчиков сражались силы международной коалиции, костяк которых составили американские войска; в феврале начались наземные операции. В апреле боевые действия завершились: Кувейт был освобожден. В этой недолгой войне, в общей сложности, участвовали 665 тысяч военнослужащих США. Из них 383 были убиты и 467 ранены. Потери Ирака составили примерно 40 тысяч убитых и 100 тысяч раненых. Свобода Кувейта обошлась Соединенным Штатам в восемь с половиной миллиардов долларов.

Полвека войн США, Vesti.ru

Глава 3. Навестив близких на Итаке, Ули вступает в ряды морских пехотинцев и... вновь попадает в зону боевых действий, деликатно именуемых «миротворческой операцией». Ули и его товарищи попадают в плен, но им чудом удаётся спастись

*Я превратился в имя...
Скиталец вечный с жадною душой
Я много видел, много мне знакомо.*

Армейское начальство Ули долго кляло свое неумение мгновенно разбираться в людях, но (пусть и позже, чем надо бы, но всё лучше, чем никогда) все-таки пришло к выводу, что Ули должен служить в рядах морской пехоты. Физические данные у парня просто великолепные, а высокого интеллекта от него никто и не ждёт: армия и флот долго сочиняли шутки о тупости морпехов и, наконец, сами в них поверили.

Перед тем, как отправиться в учебный центр морской пехоты в Пэррис-Айленде, штат Южная Каролина, Ули поехал домой в короткий отпуск, наспех долечив ожоги в госпитале. Скромность ему никогда не была присуща (тренер-сержант всегда говорил: «Скромные – они уже под землей!»), но в ожидании счастливых слёз родителей, трепета Пенни и восторженных воплей бывших одноклассников Ули сделал серьёзное лицо и «Солдатскую медаль» не надел (только ленточку, вот это как раз скромно). Лаэрт, отец Ули, всегда сдержанный, суровый, был строг и молчалив, но обнял Ули не по возрасту мощно и долго не отпускал. Мама, конечно, немножко поплакала. Однако больше его не ждали никакие особые слёзы, восторги и трепет: всеобщее внимание приковал маленький Телемак – совсем не маленький для своего возраста, толстенький, крепенький, безмятежно возлежавший у всех желающих на руках, величественно сосавший большой палец ноги и сразу одаривший юного отца сиянием широкой беззубой улыбки. Немножко повозмутились, когда Фео под шумок подскочил к ребенку и радостно облизал ему личико: «Это негигиенично! Выгоните пса, он совсем обнаглел!» А уж когда Пенни взяла сына на руки и дала ему грудь, ахам и охам нет конца:

– Даже Ули столько не весил, когда родился! А попробуйте ущипнуть – не сможете, такой он плотненький, наш парень!

– Видите, как сосёт, видите?! Это же ну прямо помпа корабельная!

– Вы, дядюшка, хоть раз в жизни воду помпой на наших озерных суденышках качали?!

– Я всё в жизни видел и всё качал!

Новоиспечённые бабушки и дедушки – родители Пенни и Ули, еще вполне молодые (особенно мама Ули), ещё не осознавшие свой новый статус, – молча принимают поздравления. Молчит и Пенни... Ночью она спросит Ули: «Тебе правда хочется учиться убивать?» – а Ули ответит: «Не убивать, а защищать! И если чтобы защитить своих, надо будет убивать, так рука у меня не дрогнет». И положит тяжёлую загорелую руку со следами едва залеченных ожогов на полную горячую грудь Пенни.

На предплечье Ули почти сразу после начала занятий в тренировочном лагере морской пехоты появилась татуировка: *Semper Fi*, сокращение от латинского *Semper Fidelis*, «Всегда верен». А перед выпуском, после одиннадцати недель подготовки, – ещё одна: «Где мы – там победа...» Пенни приехала в Южную Каролину, оставив своим родителям на день Телемака и кучу бутылочек со сцеженным молоком, и уже успела обежать весь лагерь, в особенно-

сти – тренировочные площадки. Ули с удовольствием надевает пижонскую особенную парадную форму морпехов (Blue Dress Uniform), сочетающую все три цвета американского флага, и пижонский особенный головной убор («восьмиклинку» Garrison Cap), и огорчается только из-за невозможности прицепить пижонский особенный кортик (Mameluke Sword или NCO Sword), по чину положенный только офицерам или уоррент-офицерам. Он с гордостью показывает жене лагерь и рассказывает свою версию истории корпуса американской морской пехоты:

– Когда шла Война за независимость, в 1775 году, Второй континентальный конгресс одобрил создание двух батальонов морской пехоты для службы на кораблях Континентального флота. А в 1798 году Пятый Конгресс США формально учредил Корпус морской пехоты. Мы служим на кораблях и военно-морских базах, охраняем американские посольства, воюем в пустынях и джунглях, уничтожаем незаконные вооружённые формирования и эвакуируем гражданское население... И все двести тысяч морпехов находятся в прямом подчинении Президента США! Я уже записался на Программу по рукопашному бою, скоро получу жёлтый пояс, а там и другие пояса, и, главное, чёрный, это самый высший уровень.

– Ну-у, кто бы сомневался – такой драчун с детства...

– Это же не для драки, а для самозащиты и защиты! У нас вообще служат очень даже интеллигентные люди, а не простые любители мордобоя. Например, такой Павел Романов-Ильинский, из династии русских царей Романовых, троюродный брат цесаревича Алексея, – так он боевой подполковник морской пехоты, он тебе не в штабе сидя дослужился, он по-настоящему воевал.

– А ты помнишь, твой какой-то совсем давний древний предок был царём в Греции? Одиссей, то есть по-гречески тоже Улисс? И правил островом тоже по названию Итака, только в Греции.

– Вообще-то он не очень правил, а всё больше воевал. Тогда все цари воевали. А пока его двадцать лет не было на родине, – то воевал, то скитался, – так правила Итакой его жена, как и ты, тоже Пенелопа.

– Ну-у, и в Великобритании тоже все принцы королевской семьи должны отслужить в армии и повоевать, если война.

– И правильно, я бы таким принцем тоже мог быть, чтобы в армии!

– Ты для меня – самый Прекрасный Принц!..

И они еще долго целовались...

Когда подразделение морской пехоты, где начал службу Ули, высадилось в Сомали, он писал Пенни почти каждый день.

Из писем Ули к Пенни:

«Моё солнышко, моя сладкая радость, моя милая Пенни! Все время думаю о тебе и Телемаке, как вы там справляетесь, мои дорогие и прекрасные? Как растёт мой любимый сыночек, что нового ему приносит каждый день? Как ты умудряешься так великолепно учиться – и заниматься малышом, кормить его маминым молочком? Твои тугие нежные груди – словно библейские реки, текущие молоком и мёдом. Как я тоскую по тебе, как я завидую Телемаку, как бы я хотел целовать их...»

У нас ничего особенного не происходит, мы ведь не воевать сюда прибыли, а совсем напротив – умиротворить местных, помочь голодным, охраняя конвои с гуманитарной помощью. Это настоящая дикая Африка; меня, наверное, еще долго будут преследовать запахи и звуки пустыни. На полуострове Сомали сменилось много государств, начиная с Султаната Адель, а сейчас здесь соседствуют в тесноте и обиде целых четыре государства одновременно! Хотя вроде делить им особо нечего: в основном продают на экспорт бананы и кочевой скот довольно жуткого вида – грязный и тощий, но зато дешёвый. А чем кормить-то, когда кругом растут только рано высыхающие травы, колючие кустарники и кусты акации? Кроме мерз-

ких домашних животных, тут живут не менее мерзкие крокодилы, леопарды, обезьяны, львы и огромное множество ядовитых змей, ну и иногда радуют глаз слоны и жирафы. Говорят, где-то в горах добывают ароматические смолы – ладан, камедь, мирру, – но я сам ничего такого не видел. Климат, как и у нас, делится на четыре сезона, но (в отличие от наших) один другого ужасней. Джилал начинается в январе, он самый сухой и жаркий, совсем нечем дышать; Гу – первый сезон дождей, с марта по июнь, сплошная грязь; Хагаа в августе – сезон сухих муссонов, с мелкой, словно пепел, пылью; а второй дождливый сезон, с сентября по декабрь, называется Дайр, и тогда к грязи присоединяется некоторый относительный холод. Зато небо здесь просто невиданное – высокое, огромное, созвездия яркие и совсем не знакомые, как будто мы оказались на другой планете. Во многом так и есть, это не просто другой континент, а другая планета, другие времена года, другие звезды, другие запахи, да и люди какие-то другие, непонятные...»

Из писем Пенни:

«Мой любимый муж Ули, я не умею красиво писать, но моя любовь к тебе так велика, что иногда мне даже больно под её тяжестью... Телемак растёт на глазах, а его собственные глазки такие умные и выразительные, как будто он всё-всё понимает, и поэтому я всё-всё ему рассказываю, когда он не спит... Главная наша новость – мы переехали к твоим родителям: им очень одиноко, и дом у них большой, а у моих всё-таки ещё двое шумных активных младших детей, кроме меня, а дом маловат. Мы подолгу гуляем втроём с Телемаком и Фео; Фео ответственно сторожит коляску малыша, а в свободное время гоняет белок. Мы поселились в двух спальнях на втором этаже, рядом с твоей спальней, в которую временами заходим в гости, и я пытаюсь почувствовать твой запах, утыкаясь лицом в твою подушку, но она пахнет только свежестью после стирки...»

А в конце письма вместо подписи Пенелопа рисует монетку в один цент – «пенни»...

...После благополучного прибытия гуманитарного конвоя местные жители принесли морпехам выдолбленные тыквы, наполненные густым ароматным темно-красным соком неизвестного растения. Что это было за такое снотворное пойло от неблагодарных сомалийцев – неизвестно, но все ребята из отделения Ули уснули (как, не дай Бог, убитые), спали долго (Ули во сне чудилось, будто его качает на палубе корабля, но при этом слышен скрип телеги), а проснулись – в плену, в огромной клетке из стволов тяжелого твердого дерева, запертой на два тяжелых висячих замка. К крыши клетки свисали плетеные из лиан мешки с белыми человеческими костями и черепами... много... сколько их?.. Вокруг клетки с невероятной скоростью бегал огромный темно-серый крокодил, прикованный к ржавой тяжелой цепи. Чуть подальше располагалась сомалийская деревня – несколько беспорядочно разбросанных хижин, крытых пожухлой травой; среди них выделялись две хижины побольше и повыше – наверняка принадлежащие вождю и колдуну. Клетку никто постоянно не охранял (кроме крокодила), но морпехи ни на секунду не оставались без наблюдения: мимо проходили костлявые женщины с вязанками хвороста, повсюду бегали и ползали голые дети со вздутыми животами, а время от времени тощие длинношелеи воины, шагающие по трое и с явным трудом несущие тяжёлые копья, по очереди проверяли, все ли в порядке. К крокодилу даже они особо не приближались. Немногочисленные козы и овцы со свалывшейся бурой шерстью паслись тут же.

Увидев, что пленники проснулись, воины неспешно подошли к клетке и стали внимательно рассматривать морпехов; особенно их удивил Ули, возвышавшийся над всеми чуть не на голову. Неожиданные эмоции вызвал Вашингтон, могучий африканец из штата Оклахома, – вроде такого же цвета кожи, но абсолютный чужак, непохожий на местных жителей во всем остальном...

Внезапно появился роскошный колдун с высоко (чуть не на целый фут) взбитыми волосами, высоченный, мускулистый (в отличие от остальных жителей), ярко раскрашенный и увешанный раковинами и мелкими костями. Он шествовал в сопровождении нескольких урод-

ливых и злобных старух и совсем юной девушки (лет пятнадцати) в одной только травяной юбочке. Девушка, странно похожая на колдуна (только в миниатюре), не могла отвести глаз от Ули, пока одна из старух не дернула ее за руку, уводя. Однако девушка успела жестами показать – то ли не ешьте, то ли не пейте... Впрочем, никто ей не поверил. Когда колдун подошел поближе, стало видно, как изуродована правая половина его лица: глубокие следы огромных когтей пересекали лоб и щеку, на месте правого глаза зияла бугристая впадина. На несколько мгновений встретились яростные, полыхающие ненавистью взгляды колдуна и Ули; колдун отвернулся первым... и указал длинным пальцем с остро заточенным ногтем (когтем?) на самого юного пленника – невысокого, румяного и круглощекого Стюарта из Южной Каролины. Ему и поднесли (просунули через решетку стволов) первую порцию еды – тушёной тыквы. Впрочем, остальных потом тоже не обидели – если не качеством, то количеством. Дали и воду в выдолбленных тыквах, с виду чистую, но с отвратительным привкусом... Когда наутро ребята проснулись с тяжелой головой и сухостью во рту, Стюарта уже не было с ними, а по деревне разносился аромат крепкого мясного бульона, варившегося в огромном каменном котле. Жители деревни с радостным смехом пытались угостить бульоном пленников, но те в ужасе отказались, а мексиканца Норберто даже вырвало, что вызвало у угощавших приступ особенно громкого хохота. На этот раз колдун указал на Норберто...

Воины, совершавшие вечерний обход, принесли новый плетеный мешок со свежими, еще остро пахнущими костями и черепом и привесили его к крыше клетки. Пленники старались на него не смотреть... Опять им принесли тушёную тыкву и воду, но некоторое время ни к еде, ни к воде никто не притрагивался. Только к вечеру, когда вся деревня, непривычно сытно наевшись, уснула, Ули заставил ребят поесть, а водой напоили крокодила, который на закуску ещё и с треском разгрыз долблёные тыквы, после чего сладко уснул, уткнувшись мордой в клетку.

Ночное небо рухнуло во тьму без промежуточных сумерек, немедленно после дневного палящего солнца; незнакомые яркие звезды казались пугающе близкими. Очередные часовые с копьями подошли уже в темноте – полупьяные от редкого и счастливого ощущения сытости, шатаясь и размахивая ключами, – и упали, споткнувшись о лежащего крокодила. Морпехи были готовы к их приходу; они просунули руки сквозь клетку и мгновенно сломали шеи всем троим. Внезапно появилась девушка в юбочке из травы. Она спокойно отобрала ключи у мёртвых воинов и открыла замки. Войдя в клетку, прыгнула на Ули, крепко обхватив его руками и ногами; Ули пытался осторожно освободиться, но девушка не отпускала и что-то горячо шептала, прижимаясь к его широкой груди упругим телом. Морпехи вооружились копьями, отобранными у воинов, и неслышно вышли на свободу. Они заранее решили, что возьмут в заложники и проводники колдуна (вождь слишком стар, его легко заменить, никто не будет ради него стараться, да и далеко он не дойдёт) и будут пробиваться к трассе близ океана, по которой шли гуманитарные конвои. Неожиданным препятствием стали старухи, тесно лежавшие возле хижины колдуна: среди них было трудно пробраться неслышно. Однако трудно не значит невозможно: не смогли проползти среди живых – пробрались среди мёртвых. Колдун, правда, проснулся почти сразу, – но морпехам хватило и короткого «почти». Они схватили его, одновременно придушив воинов охраны. Колдуну зажали и завязали рот и глаза, связали лианами руки и повели... Девушка, так и не отпуская Ули, жестами показывала дорогу. Шли молча. Дошли до клетки; крокодил сладостно потягивался во сне, громко и размеренно дыша; дверь медленно, с визгливым скрипом, раскачивалась на ветру. Ули, высоко подпрыгнув, сорвал с крыши последний мешок с костями, закинул за спину. Наконечником копья разбил замок на ошейнике крокодила: проснется свободным, может быть, убежит. Пошли дальше, не оглядываясь.

Шли до рассвета. Вышли к трассе, когда небо на горизонте чуть посветлело, окрасилось розовым, потом алым. Стояли недвижно, пока Ули не кивнул товарищам – те немедленно сломали колдуну шею и поволокли тело подальше от дороги, где и бросили, не пытаясь спрятать.

Норберто не удержался и напоследок пнул колдуна ногой; попал случайно по голове; однако высоченная прическа, спружинив, не пострадала. Франсуа обеспокоенно спросил: «А когда найдут, на нас не подумают? А то мы тут миротворцы, понимаешь...» – на что Ули мрачно ответил «Отобьёмся! Да и звери тут тоже голодные, за день объедят начисто, если свои раньше не найдут» – и, бросив последний взгляд на колдуна, прекрасного и ужасающего даже после смерти, вдруг наклонился и резко сорвал с его шеи новейшее украшение – смертный медальон бедняги Стюарта.

Девушка еще крепче прижалась к груди Ули... потом встала на ноги, показала на свой живот, потом на Ули и изобразила, будто качает ребёнка. Ули в растерянности оглянулся: «Мужики, как ей объяснить, что я женат?» Вашингтон улыбнулся: «Может, ты просто расист?» Айра сказал очень серьезно: «Она нам всем жизнь спасла... поблаговари её, жена не узнает, а если и узнает, то простит». Словно по команде, морпехи отвернулись... Ули и не заметил, как оказался на траве... девушка оседлала его сверху... Он закрыл глаза, отдался на волю судьбы, не пытаясь сдержать накопившуюся мощь, и только мысленно шептал: «Пеннипенни – а-а, о-о, да, да, да-а!!» Всё закончилось неожиданно быстро. Девушка встала, попросилась печальным взмахом тонкой чёрной руки и мгновенно исчезла в зарослях, словно змейкой проскользнула. Ули подумал: «Родичи не узнают, что она нас вывела, подумают на колдуна; опять же его тело найдут у дороги... но если родится белый ребёнок...»

Из далекой дали послышался гул тяжелых машин... Морпехи ехали к своим, не глядя друг на друга. Ненависть к несчастным дикарям поутихла, остались горечь и боль от потери товарища... Ули вдруг заметил длинную кровавую царапину на своей руке – проклятье, неужели колдун успел? Или крокодил? Оба опасны – у одного гниль под ногтями, у другого в зубах; не забыть бы сделать укол противостолбнячной сыворотки. Отвратительная страна, как люди тут вообще выжили, в этом жутком климате, среди этих жутких зверей и жутких змей? Можно ли вообще им помочь или любые попытки бессмысленны? Что можно здесь изменить – ведь люди останутся прежними, если даже мы их накормим, подлечим и не дадим слишком часто убивать друг друга?

Чувствую, подумал Ули, мы еще сюда вернемся.

– Этот шимпанзе говорит! Я слышал собственными ушами. Обезьяны ведь не говорят?

– Чёрт возьми, сэр, морская пехота и та говорит... так почему бы шимпанзе не заговорить?

Ричард Уормсер «Пан Сатирус»

Операция в Сомали была проведена международными миротворческими силами по решению Совета безопасности ООН. В результате гражданской войны в 1992 году погибло более полумиллиона жителей полуострова; они стали жертвами сражений и партизанских вылазок конфликтующих кланов или умерли от голода. Войска США обеспечивали безопасность гуманитарных конвоев (везли сюда медикаменты, лекарства, продукты, одежду) и, по возможности, захватывали в плен предводителей вооруженных банд. В войне, в общей сложности, участвовали более 42 тысяч военнослужащих США. Погибло 35 американских солдат, 153 были ранены. О потерях противника точных данных нет. Недолгий мир в Сомали, наступивший после 1993 года, стоил Америке примерно два с половиной миллиарда долларов.

Полвека войн США, Vesti.ru

Глава 4. Ули и командир взвода приходят в дом Стюарта МакЛейна с горестной вестью. Ули попадает в госпиталь. Пенни едет в Грецию на практику, путешествует по стране, посещает остров Итаку и видит дворец Одиссея – легендарного Улисса, давнего предка ее любимого мужа

*Людские грады, климаты, манеры,
Советы, государства... Да и сам я
Почётom был отмечен среди них.*

У Ули уже начинается жар, но он все-таки едет вместе со вторым лейтенантом Мелвиллом – командиром взвода – в Пенсильванию, к семье Стюарта. Маленький чистенький домик, крохотный садик, на крыльце качели, слышны весёлые голоса детей... Ули, командир отделения, выполняет свой долг, но как же ему страшно через мгновение разрушить этот мир... Лейтенант стучит в дверь (дверь, конечно, не заперта, как повсюду в таких тихих городках, но Ули и Мелвилл не входят, ждут). Голоса внутри стихают. На крыльцо выходит невысокий коренастый голубоглазый ирландец средних лет. Сразу понимает, какую страшную весть ему принесли эти молодые морпехи в парадной форме, лицо его каменеет, он остается в дверях, закрывая собой свой дом, свою семью, загораживая своих близких от слов, которые сейчас прозвучат... Лейтенант, запинаясь, произносит традиционную фразу: «Мистер МакЛейн, я бесконечно сожалею, но ваш сын, Стюарт МакЛейн, пал смертью храбрых, доблестно сражаясь в бою... Вам будет доставлен цинковый гроб с его останками». За спиной МакЛейна появляются пятеро или шестеро голубоглазых притихших мальчиков; старшему, наверное, не больше семнадцати. Откуда-то из кухни слышен женский голос: «Что там, Дункан, почту принесли? Я иду уже, иду!» МакЛейны расступаются, выходит круглолицая беременная женщина с улыбающимся младенцем на руках... Она смотрит на двух военных в парадной форме, ноги её слабеют, она медленно оседает на пол, не отводя взгляд от Ули и лейтенанта, словно пытаясь остановить их. Лейтенант Мелвилл шепчет: «Мэм, ваш сын героически погиб, спасая товарищей... вы простите нас, простите!..» Ули молча протягивает старшему из сыновей смертный медальон брата. Морпехи отдают честь, поворачиваются и уходят, чеканя шаг, оставляя за спиной неподвижную молчащую семью МакЛейнов, всё теснее прижимающихся друг к другу перед лицом непоправимого несчастья. Ули садится в машину вслед за лейтенантом и... теряет сознание.

...Белые стены, белый потолок, светло-зелёные одежды врачей и голубые – медсестер... Бесшумные шаги... Скрип каталок, на которых везут пациентов... Страдальческие стоны раненых и контуженных... Ули мечется в лихорадке: всё-таки он получил заражение крови – то ли от ногтей колдуна, то ли от зубов крокодила... Сколько Ули здесь находится – месяц? Два? Три? Или всего несколько дней, которые только кажутся бесконечными? Морфий дает сладостную возможность забыться хоть ненадолго, но дозу приходится постоянно повышать. Ули не может толком ни о чем думать, его воспалённый мозг мечтает только о том сладостном моменте, когда он получит очередную дозу морфия и уснёт.

Умереть... уснуть... уснуть и видеть сны, быть может? Откуда эти строки?.. Наверное, из пьесы любимого барда Пенни, кажется, его зовут Уилл Шекспир... Сны Ули после морфия бывают иногда мучительными, еще реже – утешительными и всегда очень странными, яркими, цветными, выпуклыми даже. Однажды приснилось Ули, будто плывет он (но теперь его зовут Одиссеем, по-гречески) на старинном деревянном корабле: скитаются греческие цари

и простые воины после войны с Троей по далёким неизведанным морям. Говорят, в те времена корабли были деревянными, а люди железными... Страшная буря уносит корабль на дальний юг Европы, моряки высаживаются на неизвестном острове, где растёт волшебный цветок лотос: вкус его плодов заставляет человека забыть обо всём в жизни и мечтать только о том, чтобы ещё и ещё отвеживать лотос и спать, видя сладкие сны... На острове этом живёт целое племя лотофагов, которые ничего не делают, только едят лотос и спят. Они угостили лотосом нескольких спутников Улисса – и те отказались плыть дальше, не захотели возвращаться на родную Итаку, забыли родных и друзей! Однако осторожный Улисс и ближайшие его друзья не прикасались к волшебным плодам. Они насильно отвели на корабль тех моряков, кто попробовал снотворный лотос (о, как горько они плакали; ослабевшие, всё равно пытались сопротивляться – хватались за ветви деревьев и кусты по дороге, ногами загребали по земле), и вновь пустились в путь. Но как же тяжело вести корабль, когда две трети команды не могут прийти в себя, а только плачут и просят, просто-таки молят дать им плоды лотоса!.. Еще долго те, кто попробовали коварный дар лотофагов, выздоравливали после сладостной отравы подаренных лотосом снов...

Однажды ночью Ули внезапно просыпается. В этот раз морфий подействовал ненадолго. Или организм привык к нему? Постепенно, очень медленно возвращаются обычные чувства – зрение (зеленоватый бледный свет ночной лампы в палате), обоняние (резкий запах лекарств и жидкости для мытья пола), осязание (скользящая ткань простыни и грубое тонкое одеяло) и слух тоже!.. Ули слышит негромкий разговор в коридоре:

– Господи, что уж так парень мучается, дали бы сразу двойную дозу...

– Чтобы сразу и помер?!

– Лучше сразу, чем вот так вот...

– Ах, так, – думает Ули, – пожалели меня? А вот вам (Ули с трудом поднимает средний палец и показывает его неизвестно кому)! Не умру! И не буду спать, как эти... древние моряки... после лотоса! Я – морпех, дьявол меня возьми! Буду сражаться до последнего! Пусть кровь моя отравлена – ну так постепенно белые или красные кровяные тельца, какие там нужны для борьбы с ядом, выиграют эту битву. Не сдамся. Не засну. Не покорюсь.

Ночь за ночью Ули мечется на жёсткой госпитальной кровати в жару, но упорно отказывается от обезболивающих и снотворных лекарств. Он уже не теряет сознание; он до крови закусывает губы, чтобы не стонать, – и не стонет; он даже шепчет «Спасибо...» кому-то, кто обтирает его разведённым уксусом. Он сражается в очередной битве – и однажды понимает, что победил!

А когда Ули впервые садится на кровати и опускает дрожащие ноги на пол, он задевает дверцу тумбочки, – и оттуда падают письма в конвертах, надписанных твёрдой рукой Пенни.

Из писем Пенни:

«Мой любимый муж Ули, как ты, где ты? Мне приснился такой странный и страшный сон: как будто ты плывёшь на каком-то смешном деревянном парусном кораблике, совсем скорлупке, и у тебя такие смешные длинные волосы, и ты говоришь со своими товарищами на каком-то смешном древнем языке... Сердце моё твердо знает, что ты жив, но однажды оно, моё бедное сердце, дрогнуло и чуть не остановилось, когда Фео вдруг отказался от еды, сел и горестно завыл. Он не ел и пил больше недели, ужасно ослабел, почти все время спал, никого к себе не подпускал, кроме Телемака. Они даже спали вместе в обнимку. Как мне было страшно тогда!.. И вдруг недавно ночью Фео вдруг проснулся, с трудом поднялся на ноги, доковылял до миски с водой и за одно мгновение всю воду выхлебал! И еду всю тут же съел, и ещё попробовал, и миску оближал, и ещё одну миску с водой полную выпил! И (не смейся!) я сразу почувствовала, что тебе лучше, где бы ты ни был...»

Ули попросил телефон, несказанно обрадовав медсестру, и позвонил домой. Ждал ответа (казалось, часы прошли в ожидании), тяжело дыша. Подошла его мама; услышав голос сына,

отчаянно закричала, зовя мужа. В отдалении радостно лаял и прыгал Фео. Вот только Пенни после окончания университета уже улетела в Грецию на практику. Зато Телемак вполне отчетливо произнес: «Папа, когда ты домой приедешь? Папа, я скучаю!»

Из писем Пенни:

«Мой любимый муж Ули, как ты, где ты? В Греции я чувствую себя какой-то великаншей: конечно, я и в США была выше многих, но здесь, среди маленьких греков, я и подавно выше просто всех. Вообще греки оказались совсем другими, чем я ожидала, наглядевшись на изображения высоких, золотоволосых, атлетически сложенных эллинов (вот ты, мой Ули, – типичный такой древний грек!). Недаром же именно они изобрели Олимпийские игры. А теперь я поняла, что после нашествий разнообразных варваров (а кто не варвары-то по сравнению с древними греками?!), все народы перемешались, и на место эллинов пришли (или породнились с ними) римляне, македонцы, византийцы и, конечно, турки. Вот и не отличить сегодняшнего грека от сегодняшнего турка: в большинстве своём маленькие, смуглые, черноволосые, черноглазые, на коротких кривоватых ногах. А может такое быть, что люди измельчали ещё и потому, что им стало тесно? Вся эта Европа – ужасная толкотня народов, ужасная теснотища, гораздо ужаснее, чем скопления больших и малых штатов у нас на восточном побережье! А теснее всего, как мне кажется, как раз в Греции, расположенной, в основном, на множестве маленьких островков. А сколько там руин?! Сколько места они занимают, руины эти! Толпы туристов пыхтят, карабкаясь в гору, чтобы увидеть очередные развалины зданий и колонн...»

Вечером в отеле у Пенни еле хватило сил дойти до душа, но холодная вода (горячей почему-то по вечерам не было) быстро привела ее в чувство. Завернувшись в полотенце, Пенни расчёсывала влажные волосы перед зеркалом, когда увидела в нем отражение... ночного портье! Тяжело дыша, но пока что держась на безопасном расстоянии, смуглый курчавый грек пожирал ее жадным взглядом и страстно шептал: «О, Афродита моя, как ты прекрасна! И как одинока, о, я вижу одиночество в твоих тоскующих глазах... иди ко мне, я утешу тебя, сладостная богиня, своей пылкой любовью!» Пенни, не переставая расчёсывать волосы, спокойно ответила: «Я, может, и Афродита, но ты уж точно не Гименей. Отвали, пока в глаз не получил...»

Один маленький греческий остров (96 кв. км) в Ионическом море Пенни, конечно, должна была обязательно увидеть: прекрасную Итаку, родину и царство древнего героя, потомка богов Одиссея-Улисса. Однако в свой первый свободный день Пенни не смогла купить билет на паром: в кассе сказали, что боги сегодня против поездок, так что паром не ходит. И никакой другой транспорт не посмел нарушить волю богов. Греция, может быть, и стала большей частью православной и местами мусульманской страной, но её прежние боги никуда не делись, их присутствие чувствовалось повсюду!

Когда длинная загорелая нога Пенни ступила на скудную землю Итаки, она испытала странное чувство узнавания – дежа вю? Уже было? Уже была она здесь в какой-то из прошлых жизней, ходила босиком по этим пыльным дорогам, приносила дары богам в храме на горе, плавала на деревянных кораблях, ловила рыбу? Время потеряло свое значение. Здесь счёт идет не на века, а на тысячелетия: Итака обитаема с конца третьего тысячелетия ДО НАШЕЙ ЭРЫ, подумать только, в голове не укладывается...

С экскурсоводом повезло: туристов вела по Итаке Пелагия – серьёзная молодая гречанка, современная, энергичная, широко шагающая, с идеальным английским. Ей совершенно не присуща местная замедленность жизни, безмятежная неторопливая отрешенность, родовое уважение к мельчайшим желаниям тела и души: дескать, как это бежать куда-то, если ещё кофе не допили? О нет, эта ровесница Пенни торопится и жить, и чувствовать, и увидеть всё возможное и невозможное в сжатые сроки, чего и от своих туристов добивается. И как же ей подходит старинное имя, означающее Морская, здесь, на этом островке, изначально неразрывно связанном с морем! Глубокий голос Пелагии, несмотря на монотонность стандартного

текста, через микрофон звучит почти музыкой (или это греческие названия и имена кажутся мелодиями?):

– В IX веке до нашей эры Итака становится важным торговым центром на перекрёстке морских путей, а также активно развивает строительство и гончарное производство и в архаическую, и в классическую, и в эллинистическую эпоху. Итака продолжает контакты с остальной Грецией и Востоком. В XV веке уже нашей эры Итаку захватывает Венеция, потом – пираты, которые в течение столетия используют остров как базу для набегов, а в конце XVIII века сюда приходят французские войска Наполеона, а всего через несколько лет остров захватывают англичане. С Грецией Итака воссоединилась, как и другие Ионические острова, в 1864 году, это самая знаменательная дата для острова. Все войны Греции были освободительными, мы сами никогда ни на кого первыми не нападали. Больше всего мы воевали с турками, с Османской империей за независимость Греции – и победили.

Как в любой экскурсии, находится в группе маленький въедливый старичок и немедленно уточняет у Пелагии:

– А когда именно вы победили турков?

– Война за независимость, её ещё называют иногда Греческой революцией, началась в 1821 году и завершилась в 1832 году Константинопольским мирным договором, который провозгласил Грецию независимым государством. Любая война порождает героев, которые, может быть, иначе бы занимались тихими мирными делами. Так, замечательный греческий поэт Никос Карвунис, прославившийся своей мирной любовной лирикой, во время Второй мировой войны написал самый известный пеан Греческого Сопротивления – «Громыкает Олимп»...

Старичок негромко ворчит себе под нос:

– Прославился он, видите ли, лирикой своей, Карвунис какой-то, сроду не слышал ни имени его, ни лирики...

Экскурсанты останавливаются перекусить в небольшой таверне на берегу моря. Туристы старательно вчитываются в названия блюд, хоть и напечатанных по-английски, но совершенно незнакомых, и переспрашивают у Пелагии:

– А вот эти шашлычки, сувлаки, они из баранины или...? Ах, из свинины...

– А вот эта мусака, она из баклажанов и какого мяса? Ах, из любого...

– А вот эти рёбрышки, паедаки, они... Ах, только из баранины...

И, наконец, догадываются спросить Пелагию, какую рыбу лучше заказать (коль скоро попали в морскую страну...) – сардину, треску, хамсу, скумбрию, окуня или форель? Ах, можно любую, они все хороши...

Пелагия подсаживается за столик к Пенни и улыбается:

– Я Пелагия Каравиаму, родилась на острове Итака, училась в американском городе Бостоне, штат Массачусетс! Ты, наверное, тоже гид: так уважительно слушаешь?

– Я Пенелопа Адаму-Леванидис, родилась, выросла и училась в американском городе Итаке! Мы с тобой прямо землячки. Все зовут меня Пенни. Я – да, немножко тоже гид, в свободное время. У тебя какая-то знаменитая фамилия, верно?

– Даже странно, что кто-то в Америке эту фамилию знает... Мой прапрадед Василис Каравиас был гетеристом и майором русской армии. Под его предводительством полторы сотни кефалонийцев и итакийцев взяли в 1821 году город Галац, он теперь в Румынии. Это было первое сражение освободительной войны Греции против турецкого господства... Ты ешь, ешь, бараньи ребрышки здесь фантастически готовят, ты таких и не пробовала!

– Ну-у, как раз пробовала, мой муж их готовит тоже фантастически, только это жутко дорого... а что такое гетерия?

– Зря я тебя похвалила. Гетерия – это самая знаменитая греческая организация, в древние времена – союз знатных. А в новейшее время разные общества так назывались, но они все боролись против турецкого ига. Первая такая гетерия создана в 1795 году Константином

Ригасом, но он рано умер. В 1814 году образовали новую гетерию, которая распространилась по всей Греции и Европейской Турции и начала готовиться к восстанию. Российский генерал греческого происхождения, князь Александр Ипсиланти собрал в Яссах гетерийский полк («священную дружину»), вторгся в Молдавию, но был наголову разбит турками при Драгашане. Спаслись только десятка два человек, во главе с капитаном Иордаки. Вскоре на Пруте потерпел поражение и другой полк гетеристов, под началом князя Кантакузена. Остатки гетеристов ещё продолжали бороться в лесах и горах Молдавии, но когда израненный Иордаки, чтобы не попасть в руки турок, зажёл монастырь Секку и сам сгорел под его развалинами, то и все остальные последние гетеристы тоже погибли.

– Америка тоже когда-то давно была английской колонией... у нас тоже была война за независимость. Интересно, теперь где-нибудь есть колонии чьи-нибудь?

– Нет, нету. Ни в Европе, нигде. Думаю, стало невыгодно колонии держать. А у тебя дети есть?

– Сын, маленький Телемак, это значит «далеко сражающийся боец». А у тебя?

– А у меня дочка, маленькая Полимния, это значит «песня». Подрастут – познакомим их!.. Ну всё, пора, все поели, пошли дальше. Друзья, слева вы видите Пещеру Нимф и монастырь Катарон. Ни нимф, ни монахов там теперь нет. Следующая пещера – Лоиза, в ней сохранились фрагменты раковин с надписями в честь богинь Артемиды, Геры и Афины; такая вся женская пещера. Справа – чистый источник Аретусы и Перахори: из-под земли бьет ледяной ключ, благословенный богами. Здесь же расположен средневековый, то есть для Греции совсем недавний, монастырь Архангелов.

– И что, архангелов тоже теперь нет?

– Здесь – нет. Здесь только боги...

Боевитая старушка в модных солнечных очках изумленно спрашивает Пелагию, показывая вперёд:

– А это что за могучие руины? Странное какое сооружение, мы ничего похожего нигде не видели...

Пелагия, довольная, интригуяюще понижает голос:

– А это был трёхуровневый дворец, принадлежавший легендарному Одиссею, царю Итаки и герою Троянской войны. Подобного ему действительно в мире нет. Он очень мощно и хитро построен, как будто вне времени. Видите, прямо в скале пробита лестница к морю? Сплошная скала, а широкие ступени вырублены идеально гладко, непонятно даже, какими инструментами; может, боги помогали. Дворец мог выдержать долгую осаду: крепость не хуже Трои. Здесь могли спрятаться практически все тогдашние мирные жители Итаки, а царь Одиссей со своими воинами мог защищать их. Внутри крепостных стен есть колодец, построенный в XIII веке до нашей эры, то есть как раз во время Троянской войны. Глубокий, как до сердца Земли. Воду из него до сих пор берут, чистую, холодную. Можете даже сами попробовать!

Пенни замерла. Внутри чудом сохранившейся высокой центральной части дворца царили сумерки, пока вокруг полыхало жестокое полуденное июльское солнце, беспощадно сжигавшее землю в трещинах и сухие растения Греции... Но сквозь проёмы наружной колоннады Пенни отчетливо видела туманные белые силуэты, медленно, словно в таинственном незнакомом танце, скользящие во мраке... во тьме времён. Воины... моряки... вооружённые короткими мечами, прикрывающиеся круглыми щитами... во главе их – огромного роста, величественный... Одиссей, герой Итаки! Божественный призрак повернулся лицом к Пенни и приветственно взмахнул мечом... Он тоже меня видит?! Улисс, мой Ули, любовь моя! Ни прошлые тысячелетия не смогут разделить нас, ни будущие войны!.. Мы – избранные, мы – потомки богов и героев, мы видим друг друга сквозь «замшелый мрамор царственных могил»!

Пенни молча стояла, обхватив себя руками, словно спасаясь от неожиданного холода, и вдруг ощутила чей-то слабый вздох рядом, оглянувшись, – остальные туристы, позабытые ею,

застыли недвижно, глядя вдаль, глядя на прозрачных призраков прошлого, видя их, тоже видя, черт возьми! Они, что ли, тоже избранные, туристы эти?! Или нет никаких отдельных избранных людей, а просто есть Греция, и в Греции есть остров Итака, и вся эта божественная земля избрана древними богами?.. Во главе группы туристов гордо выпрямилась Пелагия, словно она не пересказывает гостям историю своей страны, а... именно ей, ей одной принадлежат древние дворцовые руины и современные рыбацкие деревушки, призраки былых героев и живые крестьяне, а главное – местные боги.

Из писем Пенни:

«Мой любимый муж Ули, ты ужасно удивишься, но один местный грек в отеле попытался меня соблазнить. Называл Афродитой. Обещал утешить своей пылкой любовью. Смешно даже представить, что кто-то из смертных мог бы прельстить меня – меня, вкусившую любовь того, кто спорил с богами и сражался плечом к плечу с героями..»

Глава 5. Ули выздоровел и (уже капралом) вернулся в свой взвод под командование Мелвилла (уже первого лейтенанта). Морпехи получают приказ восстановить демократию в Гаити. Дело вроде нехитрое. Но отважных морпехов ждут необъяснимые приключения

*Как скучно было бы остановиться,
Ржавая в ножнах, не блестеть при деле!*

Далеко не все жители Америки знали о самом существовании острова Гаити, тем более – о том, что там творилось и творится. Однако в этот день в заливе Гонав у коричнево-красных берегов Гаити встали двадцать громадных боевых кораблей американского флота, в том числе величественные авианосцы «Америка» и «Эйзенхауэр» с 6800 морских пехотинцев на борту. Еще 14 тысяч военнослужащих других родов войск на военной базе Форт-Брэгг ожидали приказа о выступлении. Все эти приготовления означают: началась операция «Поддержка демократии». Военная мощь США, почти «вся королевская рать» – против очередной мелкой местной хунты во главе с генералом Раулем Седрасом. Готовясь к высадке, морпехи выполняли обычные обязанности на кораблях, по возможности не отрываясь от телеэкранов или, по крайней мере, прислушиваясь к голосам журналистов.

Из репортажа тележурналиста Питера Арнетта:

– На экране вы видите документальные материалы о кровавых преступлениях хунты генерала Седраса и слышите комментарии видных общественных и политических деятелей, рядовых сторонников президента Аристида, простых гаитянских беженцев. Хунта Седраса продемонстрировала миру явное нарушение демократических норм жизни и прав человека. Над Порт-о-Пренсом (столицей Гаити) и его окрестностями самолёты сбрасывают листовки: «Возвращение Аристида – это солнце демократии, свет законности, тепло примирения». Несчастливая нищая страна, раздираемая на части охочими до власти военными... После смерти кровавого диктатора Дювалье («папы Дока») и бегства его сына («бэби Дока») власть в стране получил белый генерал Анри Намфи; после него на выборах победил лидер демократов Лесли Манига; после его свержения к власти вернулся Анри Намфи, который позже был опять-таки свергнут. Новую хунту возглавил Проспер Анвиль, но в стране возобновились массовые протесты, и его тоже свергли. Президентом избрали Жан-Бертрана Аристида – бывшего католического священника, сторонника реформ, – но его мирные планы встретили сопротивление в парламенте и армии, так что Аристида тоже свергли, и власть захватил генерал Рауль Седрас, который начал террор против сторонников Аристида. Наконец, резолюция Совета Безопасности ООН №940 санкционировала создание многонациональных сил под единым командованием и использование всех необходимых средств для отстранения на Гаити военных от власти. Мы, американцы, вместе с военнослужащими из других государств Карибского бассейна, Латинской Америки и Европы, вернём демократию в Гаити!

Из писем Ули:

«Пенни, солнышко моё золотое! Служба моя теперь проходит близ райских кушей на сказочном острове, который я, увы, видел пока только с борта корабля. А как бы мы с тобой и Телемаком плавали в здешнем прозрачном бирюзовом море и загорали на белоснежном песке!

Однако мы не для того здесь. И не для боевых действий. Я не очень-то понимаю, для чего мы здесь вообще...»

Отделение Ули загорает на палубе авианосца «Эйзенхауэр», лениво переговариваясь.

Ули показывает на островок Гонав в заливе: «А вы слышали, как один наш сержант морской пехоты, Фостин Виркус, стал королём этого острова? Белый, американец, чужак, а вот выбрали его местным королём с подачи старой их королевы! И он безо всяких колледжей за спиной распрекрасно правил Гонавом почти четыре года, экономику местную поднял на небывалую высоту».

Норберто Дельгадо качает головой: «Островок невеликий, а хлопот у короля много. Нет, я бы не хотел...»

Помолчали.

Франсуа Мортен заметил: «Конечно, смешно такие наши силы выставить против этих несчастных диких гаитян, но, говорят, зато у них страшные колдуны вуду, могут вообще проклясть. Мой отец служил на флоте и слышал по радио, как Кеннеди назвал Папу Дока диктатором. И справедливо назвал: Дювалье этот армию почистил, Конгресс распустил, организовал тайную полицию – „тонтон-макутов“, чтобы без суда и следствия убивать людей; пятьдесят тысяч человек уничтожил. Так вот, представьте, Папа Док наслал на президента проклятье – и через полтора месяца Кеннеди был убит!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.